

Г Государственный

Л литературный

М музей

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ФОРУМА

**В. Я. БРЮСОВ И РУССКИЙ МОДЕРНИЗМ
НА ФОНЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ**

9–10 ОКТЯБРЯ 2023, МОСКВА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
Музей Серебряного века Государственного музея истории
российской литературы имени В.И. Даля
Мероприятие проводится при поддержке
Фонда «История Отечества»

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ФОРУМА

В.Я. БРЮСОВ И РУССКИЙ МОДЕРНИЗМ НА ФОНЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Москва
2023

Мероприятие проводится при поддержке
Фонда «История Отечества»
This event is supported by the Homeland History fund

**В.Я. Брюсов и русский модернизм на фоне мировой культуры:
к 150-летию со дня рождения писателя / Тезисы докладов
Международного научного форума. – Москва, 9–10 октября
2023 г. – М.: ИМЛИ РАН, 2023. – 64 с.**

**V.Ya. Bryusov and Russian modernism as part of global culture:
150 years after the writer's birth / Presentation theses for the
International Academic Forum. – Moscow, October 9–10 2023. –
Moscow: IWL RAS, 2023. – 64 p.**

Алехина Елена Викторовна (Москва, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля)

Поэтесса Серебряного века С.А. Укше – современница В.Я. Брюсова

В докладе речь пойдет о Сусанне Альфонсовне Укше (1885–1945), ее биографии и творческой деятельности, отношениях с литературными современниками. Материалы для анализа – поэтические тетради Укше. Речь пойдет и об издании ее первого поэтического сборника.

S.A. Ukshe, a Poetess of the Silver Age and Bryusov's Contemporary

This paper goes into the topic of Susanna Alfonsovna Ukshe (1885–1945), her personal and professional biography and her relations with her contemporary literators. The study was conducted based on Ukshe's poetic notebooks. The speaker will also touch on the subject of publication of her first collection of poems.

Андрущенко Елена Анатольевна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

«Видные модернисты пишут в “Речи”...», или Тютчев в полемике 1910-х гг.

1911 год ознаменован выходом в свет Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева, обратившего на себя внимание читателей и критики. Это издание подводило итоги многолетней научной деятельности В.Я. Брюсова. Еще в 1898 г. он выступил в «Русском архиве» со статьей «О собрании сочинений Ф.И. Тютчева» и с тех пор более десяти лет настойчиво реализовывал свой замысел. В докладе предпринимается попытка ответить на вопрос о том, почему в статьях о Некрасове (1913) и Тютчеве (1914), составивших книгу «Две тайны русской поэзии» (1915), Д.С. Мережковский проигнорировал деятельность Брюсова и в изложении жизненного пути Тютчева опирался на биографию, написанную И.С. Аксаковым.

Выдвигается гипотеза о том, что Мережковский намеренно противопоставил научному подходу Брюсова свой авторский литературный миф о Тютчеве, позволивший включить имя поэта в политическую злобу дня как губительное индивидуалистское начало, противостоящее гражданственности Некрасова.

“Some notable modernists publish in Rech...”, or Tyutchev’s Role in the Debates of the 1910s.

The year 1911 was marked by the publication of F.I. Tyutchev’s complete works, which attracted the attention of readers and critics. This edition summed up the years-long scientific activity of V.Ya. Bryusov. Back in 1898 he had published the article *About the Collected Works of F.I. Tyutchev* in the *Russkiy Arkhiv* and had since been persistently working on his plan for over a decade. The speaker attempts to determine why D.S. Merezhkovsky ignored Bryusov’s effort and outlined the course of Tyutchev’s life using a biography by I.S. Aksakov as he wrote his articles on Nekrasov (1913) and Tyutchev (1914), which made up the book *Two Mysteries of Russian Poetry* (1915). It is conjectured that Merezhkovsky deliberately countered Bryusov’s scientific approach with his own literary myth of Tyutchev, thus including the poet’s name into the political agenda as a ruinous individualistic element opposing Nekrasov’s civic nature.

Арустамова Анна Альбертовна (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Рецепция В.Я. Брюсова в литературе русской эмиграции первой волны

В докладе рассматривается специфика рецепции жизни и творчества В.Я. Брюсова в изданиях и в литературно-критических высказываниях представителей литературной эмиграции первой волны как в Европе, так и в США. Материалом служат публикации в нью-йоркской газете «Русский голос», с которой сотрудничал Д. Бурлюк, работы

М. Осоргина, В. Ходасевича, Г. Адамовича. Эти публикации принадлежат авторам, стоящим на разных эстетических и идейных позициях, и фигура поэта предстает многогранно. Кроме того, личность и творчество Брюсова становятся и поводом для осмысления русской эмиграцией литературных и литературно-критических процессов в советской России.

Reception of V.Ya. Bryusov in the Works of Russian Emigrants of the First Wave

The question of the reception of V.Ya. Bryusov's life and work in literary criticism of Russian émigré literature both in the Europe and in the USA is discussed in this presentation. The author analyzes the publications in the New York newspaper *Russian Voice*, with which D. Burlinuk collaborated, the works of M. Osorgin, V. Khodasevich and G. Adamovich. These publications belong to the authors who hold different aesthetic and ideological positions, and thus the figure of the poet appears multifaceted. In addition, the personality and work of V.Ya. Bryusov also become a reason for the Russian émigré literati to discuss the literary and literary-critical processes in Soviet Russia.

Блинова Ольга Александровна (Франция, Страсбург, независимый исследователь)

«А что мои бездарные карточки у Ренара?» Дневники Валерия Брюсова и переписка Зинаиды Гиппиус с Валерием Брюсовым (материалы к иконографии Зинаиды Гиппиус)

В докладе предлагается остановиться на дневниках Валерия Брюсова и его переписке с Зинаидой Гиппиус как на ярком примере эго-документальных источников для составления иконографии писательницы. Обращается внимание на назревшую необходимость каталогизации и научного описания визуального ряда Гиппиус, который не перестает пополняться благодаря новым находкам и открытиям. Показывается, что данные, подчеркнутые из рассматриваемых в докладе эго-документов, позволяют уточнить историю

создания и датировку уже известных (фото)портретов Гиппиус, а также предоставляют информацию для поиска и идентификации еще неизвестных ее изображений. Подчеркивается важность такого рода данных для лучшего знания и понимания как рецепции жизни и творчества писательницы, так и стратегий саморепрезентации «Зинаиды Прекрасной», она же «петербургская Сапфо», «гермафродит» и «белая дьяволица».

“What about my mediocre photos from Renar?” The Diaries of Valery Bryusov and the Correspondence Between Zinaida Gippius and Valery Bryusov (Material for an Iconography of Zinaida Gippius)

This presentation proposes to dwell on the diaries of Valery Bryusov and his correspondence with Zinaida Gippius as striking examples of ego-documentary sources to establish the iconography of Gippius. Attention is drawn to the urgent need for cataloging and for scientific description of Gippius' visual series, which continues to grow through new discoveries. It is shown that the data obtained from the egodocuments considered in the communication allows to clarify the history of creation as well as the dating of the already known (photo)portraits of Gippius, and also provides information for research and identification of her still unknown representations. The importance of such data is emphasized for better knowledge and understanding of both the reception of the life and work of the writer, and the strategies of self-representation of “Zinaida the Beautiful”, alias “Petersburg Sappho”, “The hermaphrodite” and “The white she-devil”.

Ван Пань (Китай, Ухань, Чжуннаньский университет экономики и права)

Анализ звуковой сцены в прозе «Огненный ангел» В.Я. Брюсова

Статья посвящена исследованию аспекта диалога культур и звуковой картины в прозе В.Я. Брюсова «Огненный ангел».

В произведении «Огненный ангел» показан богатый внутренний мир персонажей через описание их любви и судьбы, а также с помощью сочетания всевозможных звуков и пауз, что углубляет фантазийные элементы в повествовании. Проза В.Я. Брюсова, философские идеи и темы которой до сих пор имеют актуальность для современного литературного процесса, достойна изучения. Китайские учёные в определённой степени уже провели исследования поэзии Брюсова, но менее углубленно занимались систематическим изучением его прозы. Исследование показало, что в работе «Огненный ангел» содержится более 390 звуковых описаний и изменений звуковых ландшафтов, в которых Брюсов раскрыл перед глазами читателей сложные отношения между главными героями – Ренатой, Рупрехтом и Генрихом. Таким образом, задача состоит в том чтобы, в ходе исследования было изучено понятие звуковых картин, анализируя звуки в тексте. Выявить, опираясь на анализ конкретных сюжетов в «Огненный ангел», системный характер его звукообразов, идейный смысл и художественные особенности их воплощения; разработать модель звукового пространства прозы писателя, охарактеризовать её основные признаки; определить место звукообраза среди других образов брюсовской эстетики. Последние затем были разделены на следующие категории: звуки святости, земного звука, магического звука и их сочетания. Исследование показало, что специфика снов и звуков в прозе Брюсова заключается в том, что благодаря им реальность и иллюзия смешиваются на границе пророческих и бредовых снов.

Analysis of the Soundscape in V.Ya. Bryusov's Prose The Fiery Angel

This paper is dedicated to studying the aspects of cultural dialogue and sound painting in Bryusov's prose *The Fiery Angel*. *The Fiery Angel* showcases the characters' rich inner world through the description of their love and fate, as well as the combination of various voices and pauses, deepening the fantasy elements in the

narrative. Brusov's prose, with its philosophical ideas and themes still related to the process of modern literature, is worth studying. Chinese scholars have studied Bryusov's poetry to a certain extent, but there is relatively little systematic research on his prose. This study found that *The Fiery Angel* contains over 390 sound descriptions and changes in the soundscape, in which Bryusov reveals to readers the complex relationship between Renata, Ruprecht, and Henry. Therefore, the task is to study the concept of sound images by analyzing the sounds in the text. To reveal the systematic characteristics of sound, the ideological significance and artistic features it embodies, based on the analysis of the specific plots in *The Fiery Angel*. To establish a sound space model of a writer's prose and to describe its main features. To determine the position of sound images in other images of Bryusov's aesthetics. The latter was later divided into the following categories: Holy Voices, Earth Voices, Magic Voices, and their combinations. This study suggests that the uniqueness of dreams and sounds in Bryusov's prose lies in their mixing of reality and illusions at the boundaries of prophecy and delusion.

Вендитти Микела (Италия, Неаполь, Университет Неаполя Л'Ориентале)

В. Брюсов: «Пределы фантазии» (1910–1912)

Рукопись Валерия Брюсова «Пределы фантазии» (черновик неоконченной статьи объемом в 15 страниц, хранящийся в ОР РГБ) является, по-видимому, первым русским трактатом о научной фантастике. Текст упоминается в брюсовском 85 томе «Литературного наследства» (1976), причем там приводится лишь несколько фраз, взятых из первой страницы рукописи. Доклад посвящен описанию рукописи, изложению его содержания и анализу основных положений. Нам кажется, что до сих пор текст не получил должного внимания исследователей, хотя рукопись представляет собой значительный интерес, поскольку автор в ней не только предоставляет

теоретическую основу жанра научной фантастики, а также указывает литературные прототипы своих научно-фантастических рассказов.

V. Bryusov: Limits of Imagination (1910–1912)

Valeriy Bryusov's manuscript *Limits of Imagination* (a draft of an unfinished article consisting of 15 pages, held in the Russian State Library) appears to be the first Russian treatise on science fiction. The text is mentioned in Bryusov's 85th volume of *Literaturnoe Nasledstvo* (1976), where only a few phrases taken from the first page of the manuscript are provided. This presentation goes into describing the text, outlining its content, and analyzing its main point. We believe that the text has not received the proper attention from researchers so far, even though the manuscript is of significant interest, as the author not only provides a theoretical basis for the science fiction genre but also references literary prototypes for his science fiction stories.

Геворкян Армен Варужанович (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

«Алтарь победы» в откликах и отзывах на страницах русской периодической печати начала XX в.

В сентябре 1912 г. «Русская мысль» начала публикацию нового произведения В.Я. Брюсова – повесть «Алтарь Победы». К началу 1913 г. оно переросло заявленную автором жанровую форму и переросла в роман. О публикации нового произведения главы русского символизма сообщал немецкому читателю на страницах *Literarische Echo* Артур Лютер. Высоко оценил «Алтарь победы» С.М. Соловьев, который ставил его даже выше другого романа писателя – «Огненного ангела». Однако рецензенты в целом довольно прохладно отнеслись к новому произведению, а рецензент «Русских ведомостей» И. Игнатов назвал повесть «продолжающейся сказкой» близкой к романам Джека Лондона. Тем не менее, все рецензенты отмечали хорошее знание В.Я. Брюсовым реалий

античного мира, историческую точность описаний, которая была основана на изучении первоисточников и литературы по теме. Именно эти наблюдения стали одним из основных направлений изучения романа в более позднее время (А. Малеин, Э. Литвин, Н. Тимофеев, М. Гаспаров и др.).

The Altar of Victory in Reviews on the Pages of Russian Periodicals in Early 20th Century

In September 1912, the *Russian Mind* magazine began publishing a new work by V.Ya. Bryusov, *The Altar of Victory*. By the beginning of 1913, it had outgrown the genre form declared by the author and developed into a novel. Arthur Luther informed the German readers about the publication of a new work by the head of Russian symbolism on the pages of the *Literarische Echo*. *The Altar of Victory* was highly appreciated by S.M. Solovyov, who ranked it even higher than another novel by the writer, *The Fiery Angel*. However, reviewers in general reacted rather coldly to the new work, and the reviewer of *Russkiye Vedomosti*, I. Ignatov, called the story “a continuing fairy tale” close to Jack London’s novels. Nevertheless, all reviewers noted how knowledgeable V.Ya. Bryusov was of the realities of the ancient world, the historical accuracy of his descriptions, which was based on the study of primary sources and literature on the topic. It was these observations that became one of the main directions in the study of the novel at a later time (A. Malein, E. Litvin, N. Timofeev, M. Gasparov and others).

Глухова Елена Валерьевна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Казус «научной поэзии»: к проблеме позднего диалога Валерия Брюсова и Андрея Белого

Брюсов откликнулся иронической рецензией на вышедшую в 1922 в Берлине книгу Андрея Белого «Глоссолалия». Брюсов критикует «Глоссолалию» с точки зрения ее жанровой специфики, опираясь на сформулированные Рене Гилем принципы «научной поэзии». Дан краткий обзор этому

направлению в литературе Франции. Рассмотрена разница в понимании задач «научной поэзии» Белым и Брюсовым. Доказывается, что Белый в своем понимании феноменологии поэтического звука опирается на традицию французского символизма. Рассмотрены конструктивные особенности поэмы-трактата Белого «Глоссолалия». Поэма Белого рассматривается в ракурсе поэтики русского символизма, утверждается неизменность символистского тезиса в построении триады «звук-образ-миф». Предложен краткий обзор поэтики Брюсова послереволюционного периода. Демонстрируется разница в подходе Брюсова и Белого к архитектонике поэтического текста (традиционный vs авангардный), понимании целей и задач поэзии новой эпохи.

The Case of “Scientific Poetry”: on the Issue of the Late Dialogue between Valery Bryusov and Andrei Bely

Bryusov responded with an ironic review of Andrei Bely's book *Glossolalia*, published in 1922 in Berlin. Bryusov criticizes *Glossolalia* from the point of view of its genre specificity, based on the principles of “scientific poetry” formulated by Rene Gil. A brief overview of this trend in the literature of France is given. The difference in the understanding of the tasks of “scientific poetry” by Bely and Bryusov is considered. It is proved that Bely, in his understanding of the phenomenology of poetic sound, relies on the tradition of French symbolism. The design features of Bely's poem-treatise *Glossolalia* are considered. Bely's poem is examined from the perspective of the poetics of Russian symbolism, and the preservation of the symbolist thesis in the construction of the triad “sound-image-myth” is affirmed. A brief overview of Bryusov's poetics in the post-revolutionary period is offered. The difference in the approach of Bryusov and Bely to the architectonics of a poetic text (traditional vs avant-garde), and understanding of the goals and objectives of poetry of the new era is demonstrated.

Гравин Артём Андреевич, Анохина Юлия Юрьевна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)
«С Мариулами встречусь наяву...»: В. Брюсов, Вяч. Иванов, П. Флоренский об одном пушкинском образе

В докладе будут рассмотрены особенности подхода В.Я. Брюсова, Вяч.И. Иванова и П.А. Флоренского к осмыслению художественных образов, созданных А.С. Пушкиным. Внимание будет сконцентрировано на фонологической составляющей подходов перечисленных мыслителей. В частности, будет рассмотрена специфика выявления «звукописи Пушкина» Брюсовым, а также пример анализа звукового строения имени главной героини поэмы «Цыганы» – Мариула в трудах Иванова и Флоренского в контексте реконструируемого каждым из них общего замысла этой поэмы. Анализ подходов Иванова и Флоренского позволит выявить характер их лингвофилософской новации, а также связи фонематической перспективы с семантикой образа Мариулы пушкинской поэмы. Отдельно будет рассмотрен вопрос об источниках и взаимном влиянии развиваемых Брюсовым, Ивановым и Флоренским лингвистических и литературоведческих методов в осмыслении женских персонажей поэмы Пушкина.

“I’ll meet Mariulas in the flesh...”: V. Bryusov, Vyach. Ivanov, P. Florenskiy on One of Pushkin’s Images

The paper will consider the special aspects of the approach of V.Ya. Brusov, Vyach.I. Ivanov and P.A. Florensky to the comprehension of artistic images created by A.S. Pushkin. The attention will be focused on the phonological component of the approaches of these thinkers. In particular, the specifics of Brusov’s identification of “Pushkin’s sound writing” will be considered, as well as an example of analyzing the sound structure of the name of the main character of the poem *Gypsies* – Mariula in the works of Ivanov and Florensky in the context of the general idea of the poem reconstructed by each of them. The analysis of Ivanov’s and Florensky’s approaches will reveal the nature of

their linguophilosophical innovation, as well as the connections of the phonemic perspective with the semantics of the image of Mariula in Pushkin's poem. The question of the sources and mutual influence of the linguistic and literary methods developed by Brusov, Ivanov and Florensky in comprehending the female characters of Pushkin's poem will be considered separately.

Гремякина Мария Сергеевна (Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

«Изобрести новые способы ласки»: эротика и либертинаж в дневнике Брюсова

Доклад посвящён описанию и контекстуализации эротического дискурса в дневнике Брюсова. Эротика играла важную роль в формировании эстетической программы автора, однако генезис его восприятия сексуальности до сих пор остаётся не вполне ясным. Опираясь на архивные материалы без купюр, мы прослеживаем, как поэт фиксировал свои эротические переживания и конструировал идентичность любовника «от первого лица». В основе саморепрезентации Брюсова лежала перформативность, которая позволяла ему совмещать разные модели поведения, заложенные в культуре. Отношения автора с женщинами и его бытовые стратегии базировались на принципах объективации, трансгрессии и внеморализма: эти этические установки могли восходить не только к романтическому индивидуализму и декадентскому эпатажу, но и к либертинажу XVIII века. В докладе анализируется брюсовская рецепция французской эротической прозы, а также рассматриваются психиатрические дискуссии рубежа веков, которые актуализировали для поэта либертинскую философию.

“To create new ways of caressing”: Eroticism and Libertinage in Bryusov's Diary

This paper focuses on the description and contextualization of erotic discourse in Bryusov's diary. Eroticism was essential for shaping the poet's aesthetics, but the genesis of his perception of

sexuality is still not entirely clear. Drawing on unabridged archival material, we trace how the author expressed his erotic experiences and constructed the lover identity “in first person”. Bryusov’s self-representation was based on performativity, which allowed him to combine different behavior models embedded in culture. His relationships with women and his daily life strategies hinged on the principles of objectification, transgression, and immoralism: these ethics could relate not only to Romantic individualism and decadent epatage, but also to the libertinism of the 18th century. The paper analyzes Bryusov’s reception of French erotic prose, and examines the fin de siècle psychiatric debates that actualized the libertine philosophy for the poet.

Грякалова Наталия Юрьевна (Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

Неизвестный эпизод из истории творческих отношений А. Блока и В. Брюсова

В докладе вводится в научный оборот неизвестная ранее переписка А. Блока и Д. Фридберга из фондов РГАЛИ: письма Блока отложились в фонде В.Н. Орлова, а письмо Фридберга ранее не было атрибутировано. Эти эпистолярные материалы проливают свет на обстоятельства сотрудничества поэтов-символистов в образовательно-просветительском проекте В.А. Тернавцева – выпуске учебников для начальных классов народных школ. Выявляется интерес Тернавцева к циклу В. Брюсова «Песни» из сборника «Urbi et Orbi» и посредничество Блока в предоставлении брюсовских текстов для в хрестоматии «Наша школа». Текстологическая история стихотворного наброска Блока «Веселимся, кружимся...» (сентябрь-октябрь 1904 г., записная книжка № 9), а также анализ микроконтекста – примыкающих к наброску записей и маргиналий – позволяет сделать вывод о влиянии фольклорных стилизации Брюсова на первые блоковские опыты в форме «детской», или «наивной» поэзии.

An Unknown Episode from the History of A. Blok and V. Bryusov's Literary Relations

The paper introduces into scientific circulation previously unknown letters of A. Blok and D. Fridberg from the RGALI funds: Blok's letters were deposited in the V.N. Orlov fund, and Fridberg's letter has not been previously attributed. These epistolary materials shed light on the circumstances of the cooperation of symbolist poets in the educational project of V.A. Ternavtsev – the release of textbooks for primary classes of public schools. Ternavtsev's interest to V. Bryusov's cycle *Songs* from the collection *Urbi et Orbi* and Blok's mediation in providing Bryusov's texts for the reader *Our School* are revealed. The textological history of Blok's poetic sketch *Let's Have Fun, Spin Around...* (September-October 1904, notebook No. 9), as well as an analysis of the microcontext – notes and marginals adjacent to the sketch – allows to conclude that Bryusov's folklore stylizations influenced Blok's first experiments in form of “childish” or “naïve” poetry.

Дровалёва Наталия Алексеевна, Чечнёв Яков Дмитриевич (Москва). *Первый научный отклик на смерть В.Я. Брюсова (по материалам заседаний «Всемирной литературы»)*. Доклад подготовлен при поддержке РФФ (проект № 21-18-00494)

В докладе речь пойдет о протоколе заседания редакционной коллегии Ленпредгиза по отделу «Всемирная литература» от 28 октября 1924 г., посвященному памяти В.Я. Брюсова как поэта и поэта-переводчика, научному осмыслению его творчества. В заседании участвовали члены коллегии экспертов Западного и Восточного отделов издательства «Всемирная литература». В рамках встречи были прочитаны доклады В.М. Жирмунским и М.Л. Лозинским, где Жирмунский подвел итог творческой деятельности Брюсова и предложил тематическую классификацию его поэзии. Каждая группа стихотворений получила характеристики. Доклад Лозинского

был построен вокруг возможностей Брюсова как поэта-переводчика, где редактор поэтического отдела «Всемирной литературы» охарактеризовал самые известные направления переводческой деятельности Брюсова, причем не все из них получили положительную оценку.

First Academic Reaction to V.Ya. Bryusov's Death (Based on Proceedings from the Meetings of "World Literature")

This paper goes through the proceedings from the meeting of the editorial board of the *World Literature* department of Lenpredgiz held on October 28, 1924 dedicated to the memory of V.Ya. Bryusov as a poet and poet-translator and to the academic comprehension of his work. Members of the expert committees from both the Western and Eastern departments of the *World Literature* publishing house took part in the meeting. Reports by V.M. Zhirmunsky and M.L. Lozinsky were presented, in which Zhirmunsky summarized Bryusov's creative work and put forward a thematic classification of his poetry. Every group of poems was characterized. Lozinsky's presentation was framed around Bryusov's capabilities as a poet-translator. In it the editor of the poetry department of *World Literature* characterized the most prominent areas of Bryusov's translation work and it is worth noting that not all of them were painted in a good light.

Захарова Елизавета Михайловна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800)

Вл. Соловьев как литературный критик-модернист

«Материалистический идеализм», «объективный идеализм», «практический идеализм», «положительная эстетика», – такие неоднородные определения дают исследователи критическому методу Вл.С. Соловьева. На материале впервые опубликованной в журнале «Вестник Европы» статьи

«Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895 г.) делаются выводы о сущности и наборе критериев, используемых Соловьевым при интерпретации и оценке лирики, а также о критическом методе «поэта-философа». Отмечается, что основополагающая идея рассматриваемого текста – демонстрация внутреннего смысла и назначения стихотворного наследия Тютчева. Обращается внимание на универсализм выдвигаемых Соловьевым критериев для оценки поэтического творчества: одушевленность, истинность, художественность, поэтичность, патриотизм. Подчеркивается, что философская критика Вл. Соловьева специфична и на уровне поэтики. Делается вывод о том, что небольшая по объему статья стала концептуальной одновременно в двух направлениях. Интерпретация лирики философом стала переломной в судьбе творческого наследия Тютчева. А представленный в данном литературно-критическом рассуждении способ анализа внес вклад в формирование философского направления литературной критики.

This research was conducted at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian

Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project No. 23-28-00800)

VI. Solovyev as a Literary Critic and Modernist

“Materialistic idealism”, “objective idealism”, “practical idealism”, “positive aesthetics” – such heterogeneous definitions are given by researchers to the critical method of V.I. Solovyev. Based on the article *The Poetry of F.I. Tyutchev* (1895) the author draws conclusions about the essence and set of criteria used by Solovyev in interpreting and evaluating lyrics, as well as about the critical method of the “poet-philosopher”. It is noted that the fundamental idea of the text under consideration is a demonstration of the inner meaning and purpose of Tyutchev’s poetic heritage. Attention is drawn to the universalism of the criteria put forward by Solovyev for evaluating poetic creativity: animation, truth, artistry, poetry, patriotism. It is emphasized that the philosophical criticism of

VI. Solovyev is also specific at the level of poetics. It is concluded that a small article became conceptual in two directions at the same time. The interpretation of the lyrics by the philosopher became a turning point in the fate of Tyutchev's creative heritage. And the method of analysis presented in this literary-critical reasoning contributed to the formation of the philosophical direction of literary criticism.

Изумрудов Юрий Александрович (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Историко-литературный контекст переписки редактора журнала «Новая Россия» Исаия Лежнева с нижегородцем Борисом Садовским, соратником Брюсова по «Весам»

В 1925 году редактору журнала «Новая Россия» И.Г. Лежневу пришло письмо от жившего в Нижнем Новгороде Бориса Садовского с предложением опубликовать имеющиеся у него архивные материалы. Особый интерес среди них у Лежнева вызвала «Солдатская сказка» А.А. Блока, по уверению Садовского, написанная в 1915 году и не получившая печатного воплощения. Лежнев опубликовал ее. А потом выяснилось, что это вовсе не произведение Блока, а сочинение самого Садовского, то есть мистификация. «Сказку» в итоге включили в ряд других выявленных мистифицированных текстов Садовского, и на этом как бы история ее закончилась. Однако уже в наше время, и при нашем непосредственном участии, в «Сказке» обнаружился скрытый подтекст – полемика с революционными идеями поэмы «Двенадцать», то есть как бы самополемика Блока. Интересны в историко-литературном отношении и некоторые другие аспекты переписки Лежнева с Садовским.

Historical and Literary Context of the Correspondence between Isai Lezhnev, the Editor of the Novaya Rossiya journal, and Boris Sadovsky, a Man from Nizhny Novgorod and Bryusov's Associate from Vesny

In 1925 I.G. Lezhnev, the editor of the *Novaya Rossiya* journal, received a letter from Boris Sadovsky, a man from Nizhny Novgorod, who offered some archive materials that he had for publication. Among those Lezhnev was particularly interested in A.A. Blok's *Soldier's Tale* that was, according to Sadovsky, written in 1915 but never published before. Lezhnev published it but afterwards it was revealed that it was not written by Blok at all, it was a hoax written by Sadovsky. The Tale was eventually added to the list of Sadovsky's discovered hoaxes and it was the end of its story for the time. However, in recent years and with our direct involvement, a hidden subtext of the *Tale* was brought to light: a polemic with the revolutionary ideas in *The Twelve*, an apparent self-polemic by Blok. Some other aspects of the correspondence between Lezhnev and Sadovsky proved to have historical and literary importance as well.

Каяниди Леонид Геннадьевич (Смоленск, Смоленский государственный университет)

«Силоам слепот»: прозрения и заблуждения Брюсова относительно трагедии Вяч. Иванова «Прометей»

Брюсов стал автором первого критического отклика на трагедию Вяч. Иванова «Прометей». В исследовательской литературе сложилось два полярных мнения относительно основной интенции Брюсова – негативная (Лавров, Котрелев, Богомолов) и конструктивная (Молодяков). Основной упрек, адресованный Иванову Брюсовым, заключается произвольном переименовании античного мифа: Иванов «придает образу Прометея черты, которые не только “чужды” эллинским воззрениям, но и прямо враждебны им, выдумывает совершенно новое значение для Пандоры». Действительно, Иванов опирается на собственную концепцию античного дионисийства и сюжет «ты еси», бережно сохраняет идеи Ницше, высказанные в «Рождении трагедии». Вместе с тем Брюсов ошибается, говоря, что Иванов искажает античный

мифологический материал. Напротив, в трактовке прометеевского мифа Иванов опирается на исследования немецких классических филологов (Крейцера, Велькера, Преллера, Группе, Баппа, Вайцзакера и др.) и дает углубленную, фундаментальную на античной ритуально-мифологической традиции интерпретацию образа Прометея.

“The Blind Man in Siloam”: Bryusov’s Epiphanies and Errancies Regarding Vyach. Ivanov’s Tragedy Prometheus

Bryusov became the author of the first critical response to Ivanov’s tragedy *Prometheus*. There are two polar opinions in the research literature regarding Bryusov’s main intention – negative (Lavrov, Kotrelev, Bogomolov) and constructive (Molodyakov). The main reproach addressed to Ivanov by Bryusov is an arbitrary reinterpretation of the ancient myth: Ivanov “gives the image of Prometheus features that are not only „alien“ to Hellenic views, but also directly hostile to them, invents a completely new meaning for Pandora”. Indeed, Ivanov relies on his own concept of ancient Dionysianism and the plot of “thou art”, carefully preserves the ideas of Nietzsche expressed in *The Birth of Tragedy*. At the same time, Bryusov is mistaken when he says that Ivanov distorts the ancient mythological material. On the contrary, in his interpretation of the Prometheus myth, Ivanov relies on the research of German classical philologists (Creuzer, Welcker, Preller, Gruppe, Bapp, Weitzsaker, etc.) and gives an in-depth interpretation of the image of Prometheus based on the ancient ritual and mythological tradition.

Киянская Оксана Ивановна, Фельдман Давид Маркович (Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Полемика В.Я. Брюсова и В.И. Ленина: незавершенный диалог о культуре

13 ноября 1905 года в газете «Новая жизнь» опубликована статья Ленина «Партийная организация и партийная ли-

тература». Предложен был план администрирования культуры. В ноябрьском же номере журнала «Весы» статья Брюсова «Свобода слова». Он высмеял оппонента, инкриминировав тому попытку ввести для социал-демократов некий цензурный устав, которому в перспективе должны будут следовать все литераторы. Спор Брюсова с Лениным не остался вне сферы внимания исследователей. Но вне рассмотрения были две проблемы. Они взаимосвязаны. Первая – в силу каких причин Брюсов не упомянул о том, что план реформы принципиально нереализуем в 1905 году. Вторая – в силу каких причин пропагандировался явно абсурдный план. Таким образом, доклад посвящен анализу функций ленинской статьи как феномена контркультуры, и брюсовского ответа в качестве выявления реальной административной прагматики контркультурной акции.

The polemic of V.Y. Bryusov and V.I. Lenin: an unfinished dialogue about culture

On November 13, 1905, Lenin's article *Party Organization and Party Literature* was published in the newspaper *Novaya Zhizn* (The New Life). The article proposed a plan for the administration of culture. Yet, the November issue of the magazine *Vesy* (Libra) carried Bryusov's article *Freedom of Speech*. He ridiculed his opponent, accusing him of an attempt to introduce a certain form of censorship statute for the Social Democrats, which would later become mandatory for all writers. Bryusov's dispute with Lenin gained researchers' attention. But two issues, which are interconnected, remained out of consideration. The first is why did Bryusov not mention that the reform plan was fundamentally impossible to implement in 1905. The second is for what reasons the obviously absurd plan was propagandized. This talk provides analysis of the functions of Lenin's article as a phenomenon of counterculture, and Bryusov's response as an identification of the real administrative pragmatics of countercultural action.

Кочергина Ирина Владимировна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Творчество В.Я. Брюсова в оценке Ю.И. Айхенвальда: к постановке проблемы

В центре сообщения рецепция творчества Брюсова в критике Ю.И. Айхенвальда. Анализируется рецензия на поэму «Исполненное обещание», содержащая характеристику стилистической манеры поэта и предшествовавшая очерку «Валерий Брюсов» в Вып. III «Силуэтов русских писателей». Затрагиваются также очерк из «Силуэтов», ставший несомненным литературным событием, и отзыв о сборнике «Семь цветов радуги». Отмечается, что после высылки критика из СССР на «философском пароходе» определяющим моментом в его отношении к Брюсову становится принятие последним Советской власти: можно часто встретить негативные комментарии в его адрес в обзорах и эссе. О литературном наследии Брюсова Айхенвальд в этот период практически не пишет. Особый интерес представляют его рецензии на книгу Брюсова «Из моей жизни», на публикацию его «Писем к П.П. Перцову» в «Русском современнике» и издание «Дневники 1891–1910» (1927).

Yu.I. Aikhenwald's Assessment of V.Ya. Bryusov's Work: Issue Statement

This paper goes into the reception of Bryusov's work in the criticism of Yu.I. Aikhenwald. The review of the poem *A Promise Fulfilled* is analyzed, which contains a description of the poet's stylistic manner and precedes the essay *Valery Bryusov* in Vol. III of *Silhouettes of Russian Writers*. Also touched upon is an essay from *Silhouettes*, which has become an undoubted literary event, and a review of the collection *Seven Colors of the Rainbow*. It is noted that after the expulsion of the critic from the USSR on the "philosopher's ship", the marker for his attitude towards Bryusov became the latter's acceptance of the Soviet regime: one can often find negative comments about him in reviews and essays.

Aikhenwald practically does not write about the literary heritage of Bryusov during this period. Of particular interest are his reviews of Bryusov's book *From My Life*, the publication of his *Letters to P.P. Pertsov* in *Russky Sovremennik* and the publication *Diaries 1891–1910* (1927).

Крылов Вячеслав Николаевич (Казань, Казанский федеральный университет).

Роль В. Я. Брюсова в становлении литературной репутации М.И. Цветаевой

История отношений Цветаевой и Брюсова неоднократно описывалась в научной литературе (А. Саакянц, И. Шевеленко, Б. Сиволов). Но обычно этот «сюжет» рассматривается как элемент творческой биографии Цветаевой, в контексте ее дебюта и начинающейся известности. В докладе на основе комплекса известных и малоизвестных источников предпринята попытка рассмотреть роль литературно-критических высказываний Брюсова и реакции Цветаевой на них как основу в становлении ее литературной репутации. Отзывы Брюсова как одного из самых авторитетных критиков 1900–1910-х гг. заложили основу восприятия ранней поэзии Цветаевой в контексте женского творчества, подхваченного и закрепленного и другими критиками. Проанализированы творческие отношения Цветаевой и Брюсова в аспекте диалога поэта и критика. Показано, что для Цветаевой «обида» на несправедливую критику была довольно устойчивой, она постоянно о ней помнила, что нашло отражение в ее мемуаристике и критике.

VYa. Bryusov's Role in Building the Literary Reputation of M.I. Tsvetaeva

The history of the relationship between Tsvetaeva and Bryusov has been described numerous times in the academic literature (A. Saakyants, I. Shevelenko, B. Sivovolov). But usually this “story” is considered as an element of Tsvetaeva's creative biography, in the context of her debut and budding fame. On the

basis of a complex of well-known and obscure sources, this paper attempts to examine the role of Bryusov's literary-critical statements and Tsvetaeva's reactions to them as the basis for the formation of her literary reputation. Bryusov's reviews as one of the most authoritative critics of the 1900–1910s laid the foundation for the perception of Tsvetaeva's early poetry in the context of women's literature, which was adopted and consolidated by other critics as well. The creative relationship between Tsvetaeva and Bryusov is analyzed in terms of the dialogue between the poet and the critic. It is shown that for Tsvetaeva "resentment" of unjust criticism was quite deep-rooted, she constantly remembered about it, which was reflected in her memoirs and criticism.

Кудрицкая Софья Владимировна (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Валерий Брюсов и Александра Мирэ (А.М. Моисеева, 1874–1913): точки творческого соприкосновения

Доклад посвящен сближению двух художественных миров – В.Я. Брюсова, чье имя не нуждается в представлении, и А. Мирэ (Моисеевой, 1874–1913) – писательницы, ныне почти забытой. Брюсову принадлежит рецензия на первый сборник рассказов Мирэ «Жизнь» (1904), тематика и стиль которых были им (с небольшими оговорками) одобрены. Наряду с этим возможен разговор и о художественном «родстве» двух авторов, творивших в модернистской парадигме. Сюжетная коллизия рассказа Брюсова «Теперь, когда я проснулся» с подзаголовком «Записки психопата» (1903) обнаруживает сходство с сюжетом рассказа Мирэ «В Бисетрэ» (1904), одинакова и повествовательная форма, избранная писателями: историю своего преступления – убийство женщины – излагает сумасшедший. Художественные параллели устанавливаются и в рассказе Брюсова «Дитя и безумец» (1902) и рассказе Мирэ «Сумасшедшие» (1903), герои которых совершают побег из лечебницы для душевнобольных. Есть общность

в деталях рассказа Брюсова «Через пятнадцать лет» (1909) и рассказа «Препятствие» Мирэ (1909).

Valery Bryusov and Alexandra Mire (A.M. Moiseeva, 1874–1913): Common Points in Writing

This paper deals with the affinity between the artistic worlds of V.Ya. Bryusov who needs no introduction and the all-but-forgotten authoress A. Mire (Moiseeva, 1874-1913). Bryusov reviewed Mire's first collection of short stories and praised (with some minor reservations) their themes and style. Along with that it is possible to discuss the artistic "kinship" between the two authors who followed the modernist paradigm. The plot collision of Bryusov's short story *Now That I'm Awake* subtitled *Diary of a Psycopath* (1903) bears a resemblance to that of Mire's short story *At Bicêtre* (1904). Additionally, the writers chose the same narration form: a madman who murdered a woman tells a story of his crime. There are parallels between Bryusov's short story *A Child and A Madman* (1902) and Mire's short story *The Insane* (1903) as well: their characters abscond from a mental hospital. Also, there are common details in Bryusov's short story *Fifteen Years After* (1909) and Mire's short story *The Obstacle* (1909).

Кузнецова Екатерина Валентиновна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Гендерные и литературные инверсии в повести В. Брюсова «Последние страницы из дневника женщины»

Стремление Валерия Брюсова перевоплотиться в женщину-автора характерно для его самых первых опытов. Еще в сборниках «Русские символисты» он создает образ-мистификацию, поэтессу Зинаиду Фукс, от лица которой публикует два ироничных стихотворения в духе Ш. Бодлера. Наиболее известна его мистификация «Стихи Нелли» (1913), хотя настоящее имя автора не было загадкой для современников. В повести «Последние страницы из дневника женщины» (1910) Брюсов стремился проникнуть в женскую душу,

а также отрефлексировать злободневные вопросы, связанные с гендерными стереотипами эпохи и так называемой «проблемой пола». Детективная фабула и изложение событий от лица главной героини позволили автору иронически осветить некоторые философские, социальные и литературные концепции своего времени. Во-первых, пересмотру подвергаются взгляды позднего Толстого на брак как узаконенный разврат, где женщина – это товар или приманка, искусный ловец мужчин. Но в отличие от сюжета «Крейцеровой сонаты» не супруг убивает неверную жену, а любовник из ревности убивает мужа своей любовницы. Если в повести Толстого носителем авторской точки зрения и протагонистом является мужчина, то в повести Брюсова эта роль отводится женщине, чей дневник предьявляется читателю. Во-вторых, переосмысление касается тютчевской концепции любви как рокового поединка. Если Тютчев утверждает поражение более нежного и сильнее любящего сердца, подразумевая сердце женское, то Брюсов демонстрирует иной исход. Его героиня ловко манипулирует мужчинами, не вступая с ними в неравный бой, и роковой страстью оказывается для влюбленных в нее мужчин. В результате идеализм и восторженность Володи приводят его к самоубийству, а демонические устремления Модеста – в тюрьму. В-третьих, Брюсов препарирует и декадентские представления о любви: любовь как упоение страстью, культ мига, неповторимого мгновения, следования за своими влечениями. Можно сказать, что Натали предстает в образе роковой, демонической женщины, погубившей, пусть и невольно, трех мужчин. Она по-своему воплощает образ и ницшеанской «сверхженщины», тогда как попытка Модеста преступить себя и стать «сверхчеловеком», совершив убийство, терпит неудачу. В отношениях с разными мужчинами Натали примиряет на себя роли жрицы, проститутки и божества, Мадонны. В-четвертых, Брюсов излагает феминистскую теорию любви: взгляд на любовные отношения

и брак с точки зрения принципов эмансипированной женщины, отстаивающей свободу, право по собственному усмотрению распоряжаться своим телом и чувствами. Этот подход формулируется в финальных размышлениях самой Натали. Находит отражение в повести и любовь как гомоэротическое влечение, хотя анализу природы этого чувства Брюсов не уделяет особого внимания, представляя его скорее как истерическую юношескую влюбленность Лидочки в собственную сестру Натали. Итак, Брюсов последовательно развенчивает стереотипные представления о слабой, пассивной женщине и сильном, активном мужчине, о мужчине-соблазнителе и женщине-жертве, а также полемизирует с некоторыми значимыми художественными текстами русской литературы. Он проблематизирует как нормы традиционной морали, так и модернистские концепции «свободной любви». Гендерные инверсии пронизывают все произведение и воплощаются как на уровне автора-повествователя, надевающего женскую маску и создающего вполне убедительный женский литературный дискурс, так и на уровне героев. Поэтому мы можем говорить как о гендерных, так и о литературных инверсиях.

Gender and Literary Inversions in V. Bryusov's Story The Last Pages from a Woman's Diary

Valery Bryusov's desire to transform into a female author is characteristic of his very first experiments. Even in the *Russian Symbolists* collections he creates a hoax image, the poetess Zinaida Fuchs, on whose behalf he publishes two ironic poems in the spirit of Sh. Baudelaire. His most famous hoax is *Poems of Nelly* (1913), although the author's real name was not a mystery to contemporaries. In the novel *The Last Pages from A Woman's Diary* (1910), Bryusov sought to penetrate into the female soul, as well as to reflect on topical issues related to gender stereotypes of the era and the so-called "gender problem". The detective plot and the presentation of events on behalf of the main character allowed the author to ironically highlight some philosophical,

social and literary concepts of his time. Firstly, the views of the older Tolstoy on marriage as a legalized debauchery, where a woman is a commodity or bait, a skillful catcher of men, are being revised. But unlike the plot of the *Kreutzer's Sonata*, it is not the husband who kills his unfaithful wife, but the lover out of jealousy kills the husband of his mistress. In Tolstoy's story the bearer of the author's point of view and the protagonist is a man, but in Bryusov's story this role is assigned to a woman whose diary is presented to the reader. Secondly, the rethinking concerns Tyutchev's concept of love as a fatal duel. Tyutchev asserts the defeat of a more tender and more loving heart, implying a female heart, but Bryusov demonstrates a different outcome. His heroine deftly manipulates men without engaging in an unequal battle with them, and the passion proves to be fatal for men in love with her. As a result, Volodya's idealism and enthusiasm lead him to suicide, and Modest's demonic aspirations lead him to prison. Thirdly, Bryusov dissects decadent ideas about love: love as an ecstasy of passion, the cult of the moment, a unique moment, following one's instincts. It can be said that Natalie appears in the image of a fatal, demonic woman who killed, albeit unwittingly, three men. In her own way, she embodies the image of the Nietzschean "Überwoman", while Modest's attempt to transgress himself and become an "Übermensch" by committing murder fails. In relationships with different men, Natalie reconciles the roles of priestess, prostitute and deity, Madonna. Fourth, Bryusov expounds the feminist theory of love: a look at relationships and marriage from the point of view of the principles of an emancipated woman who defends freedom, the right to have control of her body and feelings at her own discretion. This approach is formulated in the final reflections of Natalie herself. Love is also reflected in the story as a homoerotic attraction, although Bryusov does not pay much attention to the analysis of the nature of this feeling, presenting it rather as Lidochka's hysterical youthful infatuation with her own sister Natalie. So, Bryusov consistently debunks stereotypical ideas

about a weak, passive woman and a strong, active man, about a male seducer and a female victim, and also polemizes with some significant literary texts of Russian literature. He problematizes both the norms of traditional morality and modernist concepts of “free love”. Gender inversions permeate this entire work and are embodied both at the level of the author-narrator, who puts on a female mask and creates a completely convincing female literary discourse, and at the level of characters. Therefore, it is possible to talk about both gender and literary inversions.

Кузнецова Ольга Александровна (Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

Один из диалогов Валерия Брюсова и Николая Гумилева

История творческих контактов двух поэтов начинается в 1905 году: признанный мэтр символизма выступает в роли учителя начинающего «конквистадора» русской поэзии, предполагая, что его могут ждать на этом пути «победы и завоевания». Эволюция их взаимоотношений свидетельствует о том, что младший современник освоил не только стихотворное мастерство, но и приемы лидерства, возглавив новое направление в поэзии, освоив роль критика и синдика «Цеха поэтов». Брюсова и Гумилева сближают утопические взгляды на искусство как способ получения власти над миром. Следуя мистической концепции Агриппы Неттесгеймского, Брюсов считал, что тайные знания позволят управлять миром с помощью поэзии, т.к. с 1900 года началась эра покровителя искусства духа Офиея. Гумилев связывал с революцией 1917 года надежды на то, что во всем мире во главе государства встанут поэты и писатели. Его утопический образ идеального правителя в это время – китайский император, сочиняющий стихи в фарфоровом павильоне.

One of the Dialogues between V. Brusov and N. Gumilev

The history of creative contacts between the two poets begins in 1905: the recognized master of symbolism acts as a teacher of

the up-and-coming “conquistador” of Russian poetry, suggesting that “victory and conquest” can await him along this path. The evolution of their relationship indicates that the younger contemporary mastered not only poetic skills, but also leadership techniques, leading a new direction in poetry, mastering the role of critic and syndic of the Guild of Poets. Bryusov and Gumilev are brought together by their utopian views on art as a way to gain power over the world. Following the mystical concept of Agrippa von Nettesheim, Bryusov believed that secret knowledge would allow him to control the world using poetry, because in 1900 began the era of the patron of the art, spirit of Ophiel. Gumilev hoped that after the revolution of 1917 poets and writers would be at the head of the state all over the world. His utopian image of an ideal ruler at this time was a Chinese emperor composing poetry in a porcelain pavilion.

Куранда Елена Леонидовна (Санкт-Петербург, независимый исследователь)

Валерий Брюсов и Валериан Чудовский

В докладе рассмотрены критические статьи Валериана Чудовского о Брюсове в журнале «Аполлон». Именно со статьей о Брюсове Чудовский дебютировал в журнале. Анализируя психодраму Брюсова «Путник», Чудовский пытается установить и объяснить формальные механизмы порождения и функционирования поэтического текста. О новой точке зрения на психодраму Брюсова Чудовский сообщает также в письме к Брюсову в апреле 1911 года. Таким образом, Чудовский в своей статье о Брюсове стоит у истоков новой эстетики, проводником которой стал «Аполлон».

Valery Bryusov and Valerian Chudovsky

This paper goes into the critical articles by Valerian Chudovsky about Bryusov in the *Apollo* magazine. Chudovsky made his debut in this magazine with his article about Bryusov. The article by Chudovsky was dedicated to Bryusov’s psychodrama *The Wayfarer*.

Chudovsky tries to establish and explain the formal mechanisms of the creation and function of this poetic text by Bryusov. Chudovsky also reported his new point of view on Bryusov's psychodrama in a letter to Bryusov in April, 1911. In this case Chudovsky stands at the foundation of the aesthetic theory of modernism in the *Apollo*.

Лавров Александр Васильевич (Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

Валерий Брюсов в журнале «Гермес»

В докладе освещается участие Брюсова в 1911–1916 гг. в петербургском научно-популярном «вестнике античного мира» «Гермес», выходившем под редакцией А.И. Малеина и С.О. Цыбульского. Брюсов опубликовал в «Гермесе» ряд обзоров новейших западноевропейских изданий по классической филологии, свои переводы из Авсония, Горация и других римских поэтов, а также фрагменты перевода «Энеиды» Вергилия со статьями, в которых обосновывались принципы перевода. Основной документальный материал, относящийся к публикациям Брюсова в «Гермесе», сосредоточен в его неизданной переписке с одним из редакторов журнала, профессором Петербургского университета, видным филологом-классиком, книговедом и библиографом А.И. Малеиным. В этой переписке, помимо конкретных обстоятельств сотрудничества, раскрывается деятельность Брюсова как исследователя культуры Древнего Рима эпохи упадка и переводчика римских поэтов, затрагивается также его работа над произведениями на темы римской истории – романом «Алтарь Победы» и повестью «Рея Сильвия».

Valeriy Bryusov in The Hermes Journal

This paper goes into V. Bryusov's participation in St. Petersburg's popular academic journal, the so-called "herald of the antique world", *The Hermes* in 1911–1916. Bryusov published in *The Hermes* a number of his reviews of the latest Western European works on classic philology and also his translations of

the works by Avsonius, Horace and other Roman poets, as well as some fragments of his translation of *The Aeneid* by Virgil, alongside with articles in which Bryusov presented his views on the theory of translation in general. Essential documentary materials related to Bryusov's publications in *The Hermes* pertain to his unpublished correspondence with A.I. Malein, an outstanding classic philologist, bibliographer, professor of the St. Petersburg university and one of the editors of *The Hermes*. In these letters Bryusov appears as a thoughtful researcher of ancient Roman culture during its decay. His work on the novels *The Altar of Victory* and *Rea Silvia* is touched upon in their correspondence as well.

Лебедев Сергей Владимирович (Москва, независимый исследователь)

«Всплытие показало»: брюсовский подтекст в рассказе Л. Добычина

«Посылаю “Козу”. Хвастался я, хвастался, а вышло короче воробьиного носа», – писал М. Слонимскому в июне 1925 года Л. Добычин, «один из самых загадочных писателей 20–30-х годов» прошлого столетия, а по мнению Иосифа Бродского, и лучший русскоязычный прозаик XX века. В письме речь о рассказе «Лидия», названном так, по словам Добычина, в честь Л. Сейфуллиной. На деле же он использует здесь свой излюбленный прием *lucus a non lucendo* – «роща не светит», латинскую форму, означающую «по противоположности». Отсылая к одному литератору, в тексте он подразумевает совершенно иных. В предыстории «Лидии» – стихотворение В. Брюсова «*In hac lacrimarum valle*» (1902), широко распародированное современниками, в том числе и на сцене. В рассказе Добычина, в частности, можно проследить параллели к популярной пьесе Тэффи «Круг любви», содержащей намеки на брюсовский текст. Помимо этого, обыгрываются произведения М. Кузмина с отсылками к его «вожатому» Брюсову. И такая иронически спародированная

картина литературной жизни 1910-х накладывается на бытовые реалии 1920-х.

“The surfacing showed”: *Bryusov’s Subtext in a Story by L. Dobychin*

“I’m sending you a “goat”. I bragged and I bragged, but it ended up being smaller than a sparrow’s nose,” – L. Dobychin, “one of the most mysterious writers of the 20–30s” of the last century, and according to Joseph Brodsky, the best Russian-speaking prose writer of the 20th century, wrote to M. Slonimsky in June, 1925. This letter is about the story *Lydia*, named so, according to Dobychin, in honor of L. Seifullina. In fact, however, he uses here his favorite technique “*lucus a non lucendo*” – “the grove does not shine”, a Latin form meaning “by contrast”. While referring to one writer, in the text he means a completely different one. In the background of *Lydia* one can clearly see V. Bryusov’s poem *In hac lacrimarum valle* (1902), widely parodied by his contemporaries, including on stage. In Dobychin’s story, in particular, parallels can be traced to Taffy’s popular play *The Circle of Love*, which also contains references to Bryusov’s text. In addition, it plays on the works of M. Kuzmin with references to his “counselor” Bryusov. Thus, such an ironically parodied picture of the literary life of the 1910s is superimposed on the everyday realities of the 1920s.

Луцевич Людмила Федоровна (Варшава, Варшавский университет)

«Исповедь в лучшем и святом значении слова» («Моя юность» В.Я. Брюсова)

В центре внимания малоизученное произведение «Моя юность» (1900), где В. Брюсов сосредоточился на «мелких чувствованиях ребенка», которые обусловили все его «позднейшие увлечения». В докладе предпринята попытка рассмотреть лейтмотивные детские чувства (интерес к чтению, тяга к сочинительству, повышенное внимание к сексуальным вопросам, др.), переросшие со временем во взрослые

страсти. «Моя юность», при отчетливо выстроенной хронологической последовательности автобиографической событийности, включает в себя такие исповедальные откровения, которые могут быть истолкованы как своего рода прямые ответы на обязательные вопросы священника, задаваемые на исповеди, что может послужить аргументом в пользу авторской трактовки произведения как откровенной «исповеди в лучшем и святом значении слова». Содержание и направленность детских чувствований, воспроизведенных в изучаемом тексте, дают представление об авторском самопознании, самоосознании и самооценке противоречивого процесса становления, формирования и развития личности «необыкновенного человека», чья юность может быть интерпретирована как мифологизированная юность гения.

“A Confession in the Best and Most Sacred Meaning of the Word” (My Youth by V.Ya. Bryusov)

This paper goes into V. Bryusov’s poorly studied work *My Youth* (1900), in which he concentrates on the “small feelings of a child”, which determined all of his “later interests”. It attempts to highlight the leitmotif of a child’s tendencies (an interest in reading, a penchant for writing, heightened attention to the issues of sexuality, etc.) that in time grew into adult passions. While *My Youth* has a rigid structure in terms of continuity of autobiographical events, it also contains confessional revelations which can be viewed as direct answers to a priest’s obligatory questions during a confession. Their presence can serve as an argument in favor of the author’s interpretation of this work as a “confession in the best and most sacred meaning of the word”. The substance and direction of the juvenile feelings, recreated in the text being studied, allow us to understand the author’s self-cognition, self-perception and self-evaluation of the contradictory process of forming and growth of the “exceptional human” persona, whose youth can be interpreted as a mythologized youth of a genius.

Львов Константин Владимирович (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Валерий Брюсов и издательство «Мусагет»: несостоявшийся альянс

Осенью 1911 г. Э. К. Метнер написал черновик концепции нового журнала «Труды и Дни Мусагета», в которой отводил В.Я. Брюсову роль одного из идеологов и предпочтительных сотрудников (ОР РГБ. 167. 17. 28). В октябре В. Брюсов прислал в редакцию эссе «Miscellanea» (9 фрагментов; автограф, машинопись: ОР РГБ. 386. 53. 13; гранки с пометами Метнера: ОР РГБ. 190. 55. 4). Редакция попросила В. Брюсова снять фрагменты 7–9 или заменить их на более объективные (протокол редколлегии 14.10.1911: ОР РГБ. 167. 17. 28; письма В. Ахрамовича к Э. Метнеру от 17 и 27. 01. 1912: ОР РГБ. 167. 13. 16). В ответ В. Брюсов забрал эссе из редакции; фрагменты 3, 4 так и остались неизданными.

Valeriy Bryusov and the Musagetes Publishing House: A Failed Alliance

In the autumn of 1911, E.K. Medtner sketched a draft concept for the magazine *Works and Days of Musagetes*, in which Bryusov is repeatedly mentioned as one of the ideologists and desirable collaborators (DM RSL. 167. 17. 28). In October Bryusov sent to the editorial office his essay *Miscellanea* (9 fragments; DM RSL. 386. 53. 13; 190. 55. 4). The editors of *Works and Days* rejected fragments 7–9 and asked the author to replace them with more objective ones (DM RSL. 167. 17. 28; 167. 13. 16). In response V. Bryusov recalled his essay and refused to publish *Miscellanea*. Fragments 3 and 4 remained unpublished.

Магомедова Дина Махмудовна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Российский государственный гуманитарный университет)

Типологическая характеристика поэм В.Я. Брюсова в неоконченной книге Н.Д. Тамарченко «Поэма Серебряного века»

В работе Н.Д. Тамарченко поставлена задача описания жанровых образцов произведений, которые сами авторы называли «поэмами». В работе три раздела: 1. Теоретическое введение, в котором выстроена инвариантная жанровая структура поэмы; 2. Анализ поэм, репрезентирующих две основные линии развития жанра: высокую поэму-мистерию и бытовую поэму-рассказ; 3. «Попытки синтеза». Константными признаками поэмы названы двоемирие, доминирующая роль субъекта и двумирность самого героя. Завершением события может стать либо трагическое приобщение героя к чужому миру, либо возврат в «свой» мир Структурный инвариант сюжета – аналогичен эпопейному: потеря – поиск – обретение. Мотивировка главного события – исходная утрата тождества героя с самим собой и восстановление этого тождества в финале. Произведения В.Я. Брюсова открывают третий раздел. Поиски Брюсова шли в двух направлениях: 1. превращение лирической ситуации в эпический сюжет и, наоборот, 2. лирическая разработка эпической ситуации, связанной с космическим или легендарно-историческим фоном. Эти две линии свидетельствуют о необходимости синтеза, однако «проблема заключалась в неспособности автора придать универсальный характер и смысл истории частного лица».

Typological Characteristics of V.Ya. Bryusov's Poems in N.D. Tamarchenko's Unfinished Book The Poem of the Silver Age

In the work of N.D. Tamarchenko, the task of describing genre samples of works that the authors themselves called «poems» was set. This work is divided into three sections: 1. Theoretical introduction, in which the invariant genre structure of the poem is built; 2. Analysis of poems representing two main lines of genre development: a high mystery poem and a household story poem; 3. *Synthesis Attempts*. The following two features of the poem are defined as constant: duality, the dominant role of the subject, and two-dimensionality of the hero himself. The event can end

as either the tragic introduction of the hero to the other world, or a return to “his” world. The structural invariant of the plot is similar to the epic genre: the loss — the search — the acquisition. The motivation of the main event lies in the initial loss of the hero’s identity with himself and the restoration of this identity in the finale. The works of V.Ya. Bryusov open the third section. Bryusov’s search went in two directions: 1. Turning a lyrical situation into an epic plot and vice versa, 2. Lyrical elaboration of an epic situation associated with a cosmic or legendary-historical background. These two directions indicate the need for synthesis, however, “the problem lies in the author’s inability to give a universal character and meaning to the story of a private person”.

Марков Александр Викторович (Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

«Драма в горах» В. Брюсова между эволюционизмом и физикализмом

Стихотворный экфрасис Брюсова «Драма в горах» рассматривается как отражающий кризис научного мировоззрения поэта в период Первой мировой войны. Брюсов, изображая охоту как соперничество двух диких миров, включается в дискуссию о возможности вечного возвращения в эволюции, инволюции и повторения. При этом язык не позволяет описать этот сложный процесс, и физикалистские и космологические образы, хотя и замаскированные под картинные, только и позволяют дать непротиворечивое описание происходящего. Рассматриваются ближайшие контексты этой мысли: споры о возникновении языка, об энергии, о возможности мгновенной реакции и ее замерах, о применимости бесконечно малых величин к процессам в живой природе. Соединение физического и физиологического понимания реакции и представление о возможности безмолвного аффекта, отвечающего чистой трансформации материи, и становится главным сюжетом экфрасиса.

Bryusov's Drama in the Mountains between Evolutionism and Physicalism

Bryusov's poetic ekphrasis *Drama in the Mountains* is seen as a reflection on the crisis of the poet's scientific worldview during World War I. Bryusov, depicting hunting as a rivalry between two wild worlds, engages in a discussion of the possibility of an eternal return in the evolution, as involution and repetition. Yet the language is incapable of describing this complex process, and physicalist and cosmological imagery, though cloaked in pictorial style, only provides a non-controversial description of the events taking place. Consideration is given to the immediate contexts of this thought: debates about the origin of language, about energy, about the feasibility of instantaneous reaction and its measurement, and about the applicability of infinitesimal quantities to processes in living nature. The connection of the physical and physiological understanding of reaction and the notion of the probability of a silent affect corresponding to the pure transformation of matter becomes the main subject of the ekphrasis.

Медведев Александр Александрович (Тюмень, Тюменский государственный университет)

Валерий Брюсов в Дневнике Михаила Пришвина: к проблеме творческих взаимоотношений

На основе писем М. Пришвина к В. Брюсову 1911 года (ОР РГБ, Москва) и впервые опубликованных дневниковых записей Пришвина 1908–1952 годов в докладе реконструируется история взаимоотношений двух писателей, а также пришвинский диалог с Брюсовым как ключевой фигурой русского символизма. Брюсов содействовал публикации в журнале «Русская мысль» рассказа Пришвина «Птичье кладбище» (1911). Для Пришвина фигура Брюсова важна с точки зрения собственного писательского самоопределения. С одной стороны, Пришвину чужд «рационализм» Брюсова («Тихонов – брюсовский тип, а я – лесковский»), но с другой стороны,

Брюсов близок Пришвину тончайшей лирикой, которая всё оправдывает («нежно о птичке сказал. Сейчас мне весь Брюсов предстал, и я его понял»). В пришвинской рецепции выявляются аллюзии на брюсовские произведения, а также на восприятие Брюсова современниками (Ю.И. Айхенвальд, М. Цветаева, А. Белый, К. Бальмонт).

Valeriy Bryusov in Mikhail Prishvin's Diary: on the Issue of Creative Relations

This paper aims to reconstruct the history of M. Prishvin and V. Bryusov's relations and Prishvin's dialogue with Bryusov as the key figure of Russian symbolism, based on the writers' correspondence during 1911 (DM RSL, Moscow) and the diary entries of Prishvin from 1908–1952, published for the first time. Bryusov assisted in publishing Prishvin's story *Bird Cemetery* (1911) in the *Russian Mind* journal. Bryusov's figure is important to Prishvin from the standpoint of his own writer identity. On one hand, Bryusov's "rationalism" is alien to Prishvin ("Tikhonov is the Bryusov kind, and I'm more of the Leskhov one"), but on the other, Prishvin feels an affinity towards Bryusov's delicate lyrics ("spoke tenderly of the bird. The entire Bryusov appeared to me just now, and I understood him"). Prishvin's reception demonstrates allusions to Bryusov's works and to the way Bryusov was perceived by his contemporaries (Yu.I. Aikhenwald, M. Tsvetaeva, A. Bely, K. Balmont).

Михайлова Мария Викторовна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Глава «В.Я. Брюсов-критик» для учебника «Русская литературная критика Серебряного века»: принципы отбора материала

Эволюция Брюсова-критика. От предисловий к сборникам «Русские символисты» к характеристике поэтических течений 10-х гг. Понимание символизма в 90-е гг. как

поэтической школы намеков, способной наиболее адекватно раскрыть душу творца. Жанровое новаторство предисловий, (прием мистификации). Замысел журнала о критике – «Весы». Манифест-метафора «Ключи тайн». Проблемы, поднимаемые в работах Брюсова на страницах журнала: свобода слова (полемика с принципом «партийности»), независимость художника от идеологических задач («Современные соображения»), прогресс и движение художественных систем («Священная жертва»). Мысли об относительности и условности разграничений между направлениями («Карл V, или Диалог о реализме в искусстве»). Статьи о «далеких» и «близких» критику поэтах. Опровержение постулатов «младших» в статье «В защиту от одной похвалы» (1910). Недовольство поверхностным воплощением символизма в творчестве молодых поэтов, уходящих в сферу мечты. Надежды на обновление поэзии. Понимание символизма в духе А.А. Потебни. Мастерство Брюсова-критика: лаконизм, точность, логика, ирония.

Russian Literary Criticism of the Silver Age: Principles of the Material Selection

The evolution of Bryusov as a critic. From the prefaces to the *Russian Symbolists* anthologies to the characteristics of the poetic movements of the 1910s. Perception of symbolism in the 1890s as a poetic school of allusions, able to express the soul of the creator in the most understandable forms. Genre innovation of prefaces, (the mystification technique). The idea of *Vesy*, a journal about criticism. A manifesto-metaphor *Keys of Secrets*. Issues raised in Bryusov's works on the pages of the journal: freedom of speech (controversy with the principle of "partisanship"), the artist's independence from ideological tasks (*Modern Considerations*), the progress and movement of artistic systems (*Sacred Sacrifice*). Reflections on the relativity and conventionality of the distinctions between directions (*Charles V, or the Dialogue about Realism in Art*). Articles about the poets "remote" and "close" to Bryusov. Refutation of the postulates of the "younger ones" in the article

In Defense from One Praise (1910). Dissatisfaction with the superficial embodiment of symbolism in the works of young poets, who tend to stray into the realm of dreams. Hopes for a renewal of poetry. Perception of symbolism in the spirit of A.A. Potebnya. The skill of Bryusov as a critic: conciseness, precision, logic, irony.

Мусаева Айлин Магомедовна (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Символика в поэзии В. Брюсова и С. Малларме: черты сходства и различия

Символизм оказал большое влияние на мировой литературный процесс. Основателем русского символизма по праву считается Валерий Брюсов. Его увлечение французской поэзией переросло в нечто большее: он оставил непревзойдённые переводы европейских поэтов. В. Брюсов признавал, что на его творчество оказала существенное воздействие поэзия французских символистов, в частности, Стефана Малларме. Работая над их произведениями, переводчик овладел искусством полунамека, тайнописи, умением в малом количестве слов сказать о многом, увидеть и познать мир через символы. В творчестве обоих поэтов пейзаж играет ключевую роль, выполняет несколько функций, важнейшая из которых – символическая. Лирический герой, созерцая природу, испытывает то чувство любви, то грусти, то конечности своего земного существования. В лирике обоих поэтов порой встречаются одинаковые слова – символы, однако их смысловая наполненность отличается и трактуется по-разному.

Symbols in the Poetry of V. Bryusov and S. Mallarmé: Similarities and Distinctions

Symbolism has had a great influence on the literary process of the world. Valery Bryusov is rightfully considered the founder of Russian symbolism. His passion for French poetry grew into something more: he created unsurpassed translations of European poets. V. Bryusov admitted that his work was significantly influenced

by the poetry of French symbolists, in particular, Stephane Mallarmé. While working on their translations, he mastered the art of half-hints, secret writing, the ability to say a lot in a small number of words, to see and know the world through symbols. In the works of both poets, landscape plays a key role, performs several functions, the most important of which is symbolic. The lyrical hero, contemplating nature, experiences a feeling of love, of sadness and of the finiteness of his earthly existence. The lyrics of both poets sometimes include the same word symbols, but their semantic composition differs and is interpreted in different ways.

Наседкина Елена Викторовна (Москва, Мемориальная квартира Андрея Белого, филиал Государственного музея А.С. Пушкина)

Инскрипты Брюсова на книгах из собрания «Мемориальной квартиры Андрея Белого»

В собрании «Мемориальной квартиры Андрея Белого» сформировалась небольшая, но интересная коллекция брюсовских материалов. Среди них особое место занимают инскрипты В.Я. Брюсова на его книгах. В статье рассматриваются две книги с дарственными надписями Брюсова. Одна из них – директору императорских театров В.А. Теляковскому на сборнике рассказов и драматических сцен «Земная ось» (М., 1907), другая – поэту В.В. Гиппиусу на сборнике стихотворений «Chefs d'oeuvre» (2-е изд., измен. и доп. М., 1896). В статье анализируются взаимоотношения поэта и адресатов, реконструируется история написания дарственных автографов. Известные инскрипты Брюсова впервые вводятся в научный оборот и позволяют уточнить некоторые страницы биографии одного из крупнейших поэтов Серебряного века.

Bryusov's Inscriptions on the Books from the Andrey Bely Memorial Apartment Collection

A small but interesting collection of Bryusov's materials has been formed in the collection of the Andrei Bely Memorial Apartment.

Among them, a special place is occupied by V.Ya. Bryusov's inscriptions on his books. The paper goes over two books with Bryusov's dedicatory inscriptions. One of the autographs is addressed to the director of the imperial theaters V.A. Telyakovsky on a collection of stories and dramatic scenes *The Earth's Axis* (Moscow, 1907), the other is addressed to the poet V.V. Gippius on a collection of poems *Chefs d'oeuvre* (2 ed., revised and supplemented, Moscow, 1896). The paper analyzes the relationship between the poet and addressees and reconstructs the history of writing dedicatory autographs. Bryusov's unknown inscriptions are introduced into scientific circulation for the first time and allow to clarify some pages from the biography of one of the greatest poets of the Silver Age.

Небаева Мария Игоревна (Москва, Московский педагогический государственный университет)

Средневековая легенда о Крысолове во внутренней форме стихотворения «Крысолов» В.Я. Брюсова и рассказа «Крысолов» А.С. Грина

В докладе речь пойдет о средневековой легенде о Крысолове, сюжет которой активно использовался литераторами 20 века. Будут рассмотрены сюжет самой легенды, ее истоки и значение для периода, в который она появилась. Автор доклада попытается определить, почему он был так актуален среди авторов Серебряного века. Центральная часть отведена на рассмотрение средневековой легенды в творчестве писателей 20 в. Нами были выбраны произведения В.Я. Брюсова и А.С. Грина. На примере стихотворения и рассказа «Крысолов» будет рассмотрена реализация легенды в данных текстах, а также проанализированы интерпретации средневекового сюжета в творчестве В.Я. Брюсова и А.С. Грина. Будет рассмотрен образ Крысолова в выбранных автором доклада текстах В.Я. Брюсова и А.С. Грина. Автор доклада сравнивает оба произведения с текстом легенды выявляет новые трактовки известного сюжета.

The Medieval Legend of the Pied Piper in the Internal Form of the Poem The Pied Piper by V.Ya. Bryusov and the Story The Pied Piper by A.S. Grin

The paper will focus on the medieval legend of the Pied Piper, the plot of which was used by writers of the 20th century. The plot of the legend itself, its origins and significance for the period in which it appeared will be considered. The author will try to determine why it was so relevant for the authors of the Silver Age. The central part is reserved for consideration of the medieval legend in the work of writers of the 20th century. We have chosen the works of V.Ya. Bryusov and A.S. Grin. On the example of the poem and the story *The Pied Piper*, the implementation of the legend in these texts will be considered, as well as the interpretation of the medieval plot in the work of V.Ya. Bryusov and A.S. Grin and the image of the Pied Piper in the texts by V.Y. Bryusov and A.S. Grin chosen by the author of the paper. The author compares both works with the text of the legend and reveals new interpretations of the famous plot. Through an appeal to the system of images, it will be traced how the medieval plot and its characters are transformed in the texts of Russian classics.

Орлицкий Юрий Борисович (Москва, Российский государственный гуманитарный университет), **Орлова Моника Викторовна** (Москва, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля)

«Это будет моя лучшая книга стихов» (стихотворная поэтика книги «Сны человечества»)

В докладе предполагается рассмотреть стихотворную поэтику книги В. Брюсова «Сны человечества», которая, как известно, создавалась непосредственно вслед за «Зовами древности» К. Бальмонта и в активном конкурентном взаимодействии с ней. Известно, что Брюсов с его универсализмом воспринял выход бальмонтовских «Зовов» как вызов и ответил на появление книги ревнивыми отзывами.

Тем более, что в его собственном поэтическом багаже накопилось немало произведений, способных составить основу собственной «энциклопедии» форм и мотивов мировой поэзии: поэт принимал участие в так называемых «инородческих» антологиях, например, под его редакцией вышла книга «Поэзия Армении» (1916). Поэтому особое внимание будет уделено сравнительному описанию метрического и строфического репертуара двух книг, сознательно стремящемуся к максимальному разнообразию. Как своего рода теоретический эпилог «Снов человечества» следует рассматривать книгу Брюсова «Опыты» (1918).

“It shall be my best book pf poems” (Poetics of The Dreams of Humanity)

This paper considers the poetics of V. Bryusov’s book *The Dreams of Humanity*, which, as is known, was created directly after the *Calls of Antiquity* by K. Balmont and in active competitive interaction with it. It is known that Bryusov, with his universalism, perceived the release of Balmont’s *Calls* as a challenge and responded to the publication of the book with jealous reviews. Especially so, because his own poetic baggage has accumulated a lot of works that could form the basis of his own “encyclopedia” of forms and motifs of world poetry: the poet took part in so-called “foreign” anthologies, for example, the collection *Poetry of Armenia* (1916) was published under his editorship. Therefore, special attention will be paid to the comparative description of the metrical and strophic repertoire of the two books, consciously striving for maximum diversity. Bryusov’s book *Experiments* (1918) should be considered as a kind of theoretical epilogue of *The Dreams of Humanity*.

Пастернак Екатерина Алексеевна (Москва, Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова)

О стратегиях переводов из Поля Верлена на русский язык в XX в. (Валерий Брюсов и другие)

Поль Верлен – один из излюбленных поэтов, произведения которого выбирали для перевода русскоязычные авторы. В докладе будет показано, чем похожи и чем принципиально отличаются переводы из Верлена, как они соотносятся или не соотносятся с теоретическими взглядами каждого из переводчиков, в каком случае получившееся произведение можно считать переводом, в каком – переложением, а в каком – произведением, в котором использованы отдельные мотивы оригинального стихотворения, – и почему. В центре внимания будут находиться переводы Брюсова – главного героя конференции, – не только в сравнении с переводами других авторов, но и в соотнесении с многочисленными теоретическими работами этого автора.

On the Strategies of Translating Paul Verlaine's Works in Russian in the 20th Century (Valeriy Bryusov and Others)

Paul Verlaine was one of the favorite poets, whose works were chosen for translation by Russian-speaking authors. This paper will show how and why the translations of Verlaine are similar and how they fundamentally differ, how they correlate or do not correlate with the theoretical views of each of the translators, in which case the resulting work can be considered a translation, an arrangement, or a work in which some motifs from the original poem are used. The main focus will be put on the translations by Bryusov, the main character of this conference, not only in comparison with the translations of other authors, but also in relation to the numerous theoretical works of this author.

Патрикеева Мария Вадимовна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Перевод как направление культуртрегерской деятельности: В.Я. Брюсов и предшественники

Ориентация на русского читателя, стремление заполнить существовавшие в русской переводной литературе пробелы при выборе объектов перевода, установка на сохранение

специфических черт подлинника с целью расширения читательского кругозора, сопровождение переводов вступительными статьями, комментариями биографического и библиографического содержания свидетельствуют о просветительском, культуртрегерском характере деятельности В.Я. Брюсова. Обращение к разным жанрам, направлениям, эпохам, расширение географии источников, в частности переводы армянской поэзии, открывшие «русскому – и не только русскому – читателю целый новый поэтический материк» (М.Л. Гаспаров), позволяют поставить Брюсова в один ряд с предшественниками, осуществлявшими культурное посредничество между русской и мировой литературой: Д.Е. Мином, Д.В. Аверкиевым, А.Л. Соколовским и др. – и отметить различия между ними.

Translation as an Aspect of Kulturtrager Work: V.Ya. Bryusov and his Predecessors

The focus on Russian readers, the desire to fill in the gaps that existed in the Russian translated literature in the process of choosing works for translation, the intention to preserve the specific features of the original in order to broaden the reader's horizons, writing introductory articles for translations, providing biographical and bibliographic comments: all of these highlight the educational, kulturtrager nature of V.Ya. Bryusov's activities. The appeal to different genres, directions, epochs, the expansion of the geography of sources, in particular translations of Armenian poetry, which opened up "a whole new poetic continent for the Russian – and not only Russian – reader" (M.L. Gasparov), allow to put Bryusov on par with his predecessors who carried out cultural mediation between Russian and world literature: D.E. Min, D.V. Averkiev, A.L. Sokolovsky and others, and outline the differences between them.

Першина Ирина Сергеевна (Екатеринбург, Объединенный музей писателей Урала)

Фантастика эпохи модернизма: марсианская тема в интерпретации В. Брюсова, А.Н. Толстого и П. Инфантьева

В начале XX века писатели все чаще обращаются к фантастическому направлению литературы: как к научной фантастике, так и к другим её разновидностям. В. Брюсов не стал исключением: среди его произведений – и полностью выдержанные в рамках эстетики и идей символизма, и «классическая» ранняя научная фантастика, где фантастические допущения получают детальное наукоподобное обоснование. К первым принадлежит драма «Земля» (1904) с мистицизмом и влечением к смерти в духе декаданса. Ко вторым – неоконченный роман «Первая междупланетная экспедиция» (1920–1921), в котором возможность перелёта на Марс доказывается с помощью научного знания той эпохи. Роман А.Н. Толстого «Аэлита» (1923), несомненно написанный под влиянием В. Брюсова, объединяет две обозначенные тенденции. Самое первое в русской литературе фантастическое произведение о Марсе – «На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса» (1901) – принадлежит уральскому писателю П. Инфантьеву. Автор сочетает жанр социальной утопии с эстетикой модернизма.

Science Fiction of the Modernism Era: Martian Topic as Interpreted by V. Bryusov, A.N. Tolstoy and P. Infantiev

At the beginning of the 20th century, writers turned to the fiction literature more often; they wrote both science fiction and its other sub-genres. V. Bryusov was no exception. Among his works, there are some that entirely follow the aesthetics and ideas of symbolism and works in the spirit of “classical” early science fiction with fantastic assumptions having a detailed science-like basis. The drama *Earth* (1904), the plot of which contains mysticism and attraction to death in the decadent style, falls into the first category. The second one includes the unfinished novel *The First Interplanetary Expedition* (1920-1921), in which the possibility of a flight to Mars is proved with the scientific knowledge of that era.

A.N. Tolstoy's novel *Aelita* (1923), undoubtedly written under the influence of V. Bryusov, combines the two aforementioned trends. The very first fantastic work about Mars in Russian literature is *On Another Planet: A Story from the Life of the Inhabitants of Mars* (1901) by the Ural writer P. Infantiev. The author combines the genre of social utopia with the aesthetics of modernism.

Петрова Галина Валентиновна, Игошева Татьяна Васильевна (Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

В.Я. Брюсов и «бальмонтовский вопрос»

В докладе речь идет об осмыслении В.Я. Брюсовым в начале 1920-х годов стратегии русского символизма, выразителем которой стал К.Д. Бальмонт. Детальный сравнительный анализ двух сопряженных критических текстов и истории их создания: статьи «Что такое Бальмонт» (1921), впервые опубликованной в 1956 году и вошедшей в состав 6 тома собрания сочинений Брюсова, и статьи «По дороге к лазури» (к решению бальмонтовского вопроса)» (1923), неопубликованной, хранящейся в Отделе рукописей РНБ (ф. 105, ед. хр. 8) и являющейся последней репликой Брюсова в эстетическом споре с Бальмонтом как оппонентом – показывает сложную динамику отношения автора к истории символизма, его реакцию на изменяющиеся культурно-исторические обстоятельства в России начала 1920-х годов и расширяет представления об истории отношений двух ведущих русских поэтов начала XX века, в которых достаточно рельефно отразились противоречия эпохи отечественного литературного модернизма.

V.Ya. Bryusov and the Balmont Issue

The paper deals with V.Ya. Bryusov's comprehension of the strategy of Russian symbolism in the early 1920s, the spokesperson of which was K.D. Balmont. A detailed comparative analysis of two related critical texts and the history of their creation – the article *What is Balmont* (1921), first published in 1956 and included

in Volume 6 of the collected works of Bryusov, and the article *On the Road to the Azure (to the Solution of the Balmont Question)* (1923), unpublished, stored in the Department of Manuscripts of the Russian National Library (f. 105, ed. chr. 8), which was the last remark of Bryusov in an aesthetic dispute with Balmont as an opponent – shows the complex dynamics of the author's attitude to the history of symbolism, his reaction to the changing cultural and historical circumstances in Russia in the early 1920s and expands the understanding of the history of relations between two leading Russian poets of the early 20th century, in which the contradictions of the era were quite clearly reflected in Russian literary modernism.

Плюханова Мария Борисовна (Италия, Университет Перуджи), Шишкин Андрей Борисович (Италия, Университет Салерно)

Цикл Вяч. Иванова и В. Брюсова «Лира и ось»

«Лира и ось» – цикл из двух стихотворений Вяч. Иванова и двух ответных Брюсова, в тех же ритмических формах и с теми же названиями, создан в январе 1914 года; хорошо разработанные биографические и текстологические комментарии соотносят его с тяжелым кризисом, который В. Брюсов переживал в связи с самоубийством Н. Львовой. «Лира и ось» – ключевая манифестация того языка, который сложился в длившемся более 20 лет диалоге между Валерием Брюсовым и Вячеславом Ивановым. Это первый случай появления в этом диалоге модуса «поддержка в падении». Содержание уходит далеко за пределы биографической драмы. Брюсов, призываемый подняться, сбросить путы, посредством пушкинского «Ариона» выражает веру в возносящую к солнцу силу поэзии – в определённое судьбой спасение поэта и его лиры, застигнутых бурей. Поэтические мотивы и формулы «Лир и осей» возвращались далее в творчестве двух поэтов, приобретая все более трагическое экзистенциальное

значение. Особенно значимы в этом отношении стихи Брюсова «Кондор» (1921) и последнее стихотворение «Вот я – обвязан и окован»; первый из Римских сонетов В. Иванова и «Молитва» его на смерть Брюсова.

Lyra and Axis, a Cycle by Vyach. Ivanov and V. Bryusov

Lyra and Axis is a cycle of two poems by Vyacheslav Ivanov and two response poems by Valery Bryusov, written in the same rhythmic forms and with the same titles. It was created in January 1914, and well-developed biographical and textual commentaries relate it to the severe crisis that Bryusov experienced in connection with the suicide of N. Lvova. *Lyra and Axis* is a crucial manifestation of the language that evolved during the dialogue between Valery Bryusov and Vyacheslav Ivanov, which lasted for over 20 years. It is the first instance of the “support in falling” mode in this dialogue. Its content goes far beyond the boundaries of biographical drama. Bryusov, being called upon to rise, to cast off his chains, expresses his faith in the elevating power of poetry, symbolized by Pushkin’s *Aryon* – a certain fate-driven salvation of the poet and his lyre, caught in a storm. The poetic motifs and formulas of *Lyra and Axis* resurfaced in the subsequent works of the two poets, acquiring an increasingly tragic existential significance. Especially significant in this regard are Bryusov’s poems *Condor* (1921) and his final poem *Here I am, Bound and Shackled*; the first of Ivanov’s *Roman Sonnets* and his *Prayer* on Bryusov’s death.

Покачалов Максим Валерьевич (Москва, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»)

Царь Соломон в творческом восприятии Валерия Брюсова

Интерес Брюсова к личности царя Соломона прослеживается на всем протяжении его творчества. В условиях тревожных для России реалий первых десятилетий XX в. обращение поэта к временам библейской истории представляется не случайным. Брюсов не просто представляет читательско-

му вниманию очередного «любимца веков», но создает образ поистине идеального правителя. Характеризуя личность и деяния Соломона, поэт формулирует важнейшие задачи лидера государства – быть созидателем и принимать решения, руководствуясь принципами справедливости. Сравнение царя Соломона с врачом и учителем в эпоху социальных потрясений и мудрым судьей в эпоху стабильности и процветания позволяет прояснить брюсовские взгляды на проблему роли личности в истории. Брюсовский идеал правителя, созданный в условиях трагических реалий России начала XX в., недостижим, однако, одной из важнейших задач искусства является создание идеалов, способных пережить века и стимулировать стремление человека в какой-то степени приблизиться к ним.

King Solomon in the Creative Perception of Valery Bryusov

Bryusov's interest in the persona of King Solomon can be traced throughout his work. In the conditions of alarming realities for Russia in the first decades of the 20th century, the poet's appeal to the times of biblical history does not seem accidental. Bryusov not only presents to the reader's attention another "favorite of the ages", but creates an image of a truly ideal ruler. Describing the personality and deeds of Solomon, the poet formulates the most important tasks of the leader of the state – to be a creator and to make decisions guided by the principles of justice. The comparison of King Solomon with a doctor and a teacher in an era of social upheaval and a wise judge in an era of stability and prosperity makes it possible to clarify Bryusov's views on the issue of the role of personality in history. Bryusov's ideal image of a ruler created in the conditions of the tragic realities of Russia at the beginning of the 20th century is unattainable, however, one of the most important tasks of art is to create ideals that can survive centuries and stimulate a person's desire to get closer to them to some extent.

Седых Галина Ивановна (Москва, Литературный институт имени А.М. Горького)

Фрик в творчестве Валерия Брюсова

При составлении антологии армянской поэзии (древнеармянский и среднеармянский языки) Валерий Брюсов открыл для себя поэта Фрика. Русской общественности это имя ни о чем не говорило. Но в мировой поэзии этот поэт был известен через переводы на французский язык. Брюсов переводил стихи Фрика по подстрочникам, опираясь на французские переводные тексты. В антологию включил несколько стихотворений. Всего у Фрика в тот период было обнаружено около пятидесяти стихотворений. Есть удивительные переклички стихов раннего Брюсова и переводимого им древнеармянского поэта.

Frik in Valeriy Bryusov's Work

When compiling an anthology of Armenian poetry (both in Old Armenian and Middle Armenian), Valery Bryusov discovered the poet Frik. This name did not mean anything to the Russian public. But internationally this poet was known through translations into French. Bryusov translated Frik's poems interlinearly, relying on French translated texts. The anthology included several poems. In total, approximately fifty poems by Frik had been discovered by that period. There are amazing similarities between the poems of the early Bryusov and the ancient Armenian poet he translated.

Федотов Олег Иванович, Вартазарова Жаклин Артуровна (Москва, Московский педагогический государственный университет)

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 23-28-00545 «Сонет и сонетные ассоциации в русской поэзии XIX-XXI вв.»).

Лермонтов в сонетах В. Брюсова, К. Бальмонта и И. Северянина

В отечественной сонетистике Серебряного века необычайно широкое распространение получили разнообразные модификации «портретов», «силуэтов» и «медальонов», персонажами которых были выдающиеся представители литературы и искусства. Среди кумиров русской поэзии XIX в., благодаря серии живописных и скульптурных работ М. Врубеля, посвященных «Демону», особенной популярностью пользовался Лермонтов. В докладе представлен сравнительный анализ сонета В. Брюсова «К портрету М.Ю. Лермонтова («Казался ты и сумрачным и властным...»), целой сюиты из четырех сонетов К. Бальмонта: 1. «Опальный ангел, с небом разлученный...», 2. «Внимательны ли мы к великим славам...», 3. «Он был один, когда душой алкал...», 4. «Мы убиваем гения стократно...») и «медальона» И. Северянина «Лермонтов» («Над Грузией витает скорбный дух...», запечатлевших образ поэта, породившего своей великой поэмой и своей личностью настоящую эпидемию демонизма. «Лермонтовские» сонеты Брюсова, Бальмонта и Северянина рассматриваются в контексте их творчества и мировоззрения.

Lermontov in Sonnets by V. Bryusov, K. Balmont and I. Severyanin

Usage of various modifications of “portraits”, “silhouettes” and “medallions” that utilized prominent writers and artists as characters was an immensely popular technique in Russian sonnets during the Silver Age. One of the most prominent idols of Russian poetry during the 19th century was Lermontov, primarily due to the series of graphical and sculptural works by M. Vrubel dedicated to the poet’s *Demon*. This paper puts forward a comparative analysis of V. Bryusov’s sonnet *On the Portrait of M.Yu. Lermontov*, a suite of four sonnets by K. Balmont and I. Severyanin’s “medallion” *Lermontov*, all of which encapsulated the image of the poet who, by virtue of his exceptional poem and his persona, paved the way to a proper epidemic of demonism. The Lermontov sonnets by

Bryusov, Balmont and Severyanin are presented in the context of their work and worldviews.

Федотова Светлана Владимировна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

«Поэт прилагательных»: продуктивная ошибка в статье Чуковского о Брюсове (1908)

Статья Чуковского «Валерий Брюсов» (1908) построена на ряде парадоксов. Главный из них имеет лингвистический характер: Брюсов – «поэт прилагательных», у него мало «сказуемых», он пассивно классифицирует признаки вещей, а не оживляет их магией искусства, его формально совершенная поэзия мертва. Хотя употребление термина «сказуемое» вместо «глагола» курьезно с точки зрения лингвистики, ошибку Чуковского можно воспринимать как продуктивную, поскольку она 1) обнажает оппозицию эстетического символизма Брюсова и мифологического символизма Вяч. Иванова, который настаивал на наличии глагольного предиката в составе формулы прамифа; 2) заостряет внимание на влиянии формально-стилистического метода анализа А. Белого на Чуковского-критика и в то же время – на параллели между определениями «поэт прилагательных» и «поэт существительных», как назвал Иванова Белый в 1918 г.; 3) поднимает вопросы о статике и динамике стиха у символистов и футуристов, о динамичности сказок Чуковского, а также о семантике поэтической грамматики и философии языка в целом.

“A Poet of Adjectives”: a Productive Error in Chukovsky’s Article on Bryusov (1908)

Chukovsky’s article *Valery Bryusov* (1908) is based on a number of paradoxes. The main one is linguistic in nature: Bryusov is a “poet of adjectives”, he has few “predicates”, he passively classifies the features of things, and does not enliven them with the magic of art, his formally perfect poetry is dead. Although the use of the term “predicate” instead of “verb” is linguistically curious, Chukovsky’s mistake can be perceived as productive, since it

1) exposes the opposition of Bryusov's aesthetic symbolism and the mythological symbolism of Vyach. Ivanov, who insisted on the presence of a verbal predicate in the primal myth formula; 2) draws attention to the influence of A. Bely's formal-stylistic method of analysis on Chukovsky the critic and, at the same time, to the parallels between the definitions "poet of adjectives" and "poet of nouns", as Bely called Ivanov in 1918; 3) raises questions about the statics and dynamics of verse among the Symbolists and Futurists, about the dynamism of Chukovsky's fairy tales, as well as about the semantics of poetic grammar and the philosophy of language in general.

Фролов Максим Андреевич (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Валерий Брюсов и его творчество в биографии и научном наследии Николая Гудзия (по материалам печатных работ, переписки и личного архива ученого)

Творчество В.Я. Брюсова занимает в научном наследии историка литературы, текстолога, педагога Н.К. Гудзия заметное место. Занявшись в первой половине 1920-х гг. историей русского символизма, ученый впоследствии сделал немало и для развития брюсоведения, хотя сам оценивал свой вклад неизменно скромно. Гудзию принадлежат статьи, определившие, в ряду других новаторских исследований, перспективы изучения литературного наследия Брюсова – «Из истории раннего русского символизма (Московские сборники "Русские символисты")» (1927) и «Юношеское творчество Брюсова» (1937), основанные на материалах личного архива поэта. Важная страница в довоенной научной биографии Гудзия – его участие в подготовке не вышедшего в свет 12-томного собрания сочинений Брюсова, где ему и Н.С. Ашукину была поручена подготовка 1-го тома, охватывающего поэтические тексты 1894–1903 гг. В тесном сотрудничестве с вдовой поэта, И.М. Брюсовой, с его современниками и с исследователями

наследия Брюсова, Гудзий принял ближайшее участие в формировании источниковедческой и текстологической базы для подготовки будущих изданий и исследований.

Valeriy Bryusov and His Work in the Biography and Academic Heritage of Nikolay Gudziy (Based on Materials from the printed Works, Correspondence and Personal Archive of the Academic)

V. Bryusov's work occupies a prominent place in the scientific heritage of the literary historian, textual critic and teacher N.K. Gudziy. By engaging in the first half of the 1920s with the history of Russian symbolism, the scholar subsequently contributed a lot to the development of Bryusov studies, although he himself assessed his contribution invariably modestly. Gudziy authored articles that determined, among other innovative studies, the prospects for studying the literary heritage of Bryusov – *From the History of Early Russian Symbolism (Moscow Collections "Russian Symbolists")* (1927) and *Youthful Creativity of Bryusov* (1937), based on materials from the poet's personal archive. An important page in the pre-war scientific biography of Gudziy is his participation in the preparation of the 12-volume collected works of Bryusov, which remained unpublished, in which he and N.S. Ashukin were entrusted with the preparation of the 1st volume, covering poetic texts of 1894–1903. In close cooperation with the poet's widow, I.M. Bryusova, with his contemporaries and researchers of Bryusov's legacy, Gudziy took a close part in the formation of a source study and textual base for the preparation of future publications and research.

Чабан Александра Александровна (Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Литературная полемика конца 1900-х – начала 1910-х гг. в рассказе В. Брюсова «Ночное путешествие»

Рассказ В. Брюсова «Ночное путешествие» описывает, на первый взгляд, очередную историю испытания героя дьяволом. Исследователи ранее связывали этот рассказ

с образной системой и стилистикой романа «Огненный ангел», мы предлагаем посмотреть на этот текст еще более пристально, реконструируя его место и роль при неоднократных публикациях. Рассказ был впервые напечатан в № 11 журнала «Весы» за 1908, то есть практически за месяц до фактического ухода Брюсова из издания, а в сборнике рассказов «Ночи и дни» (1913) этот рассказ помещен в финал. Эта книга, как писал сам Брюсов, была призвана осветить разные стороны женской психологии, чему и посвящены все рассказы, кроме «Ночного путешествия». Однако именно такой довольно актуальный для конца 1900 – начала 1910-х гг. контекст заставляет увидеть под мистическим содержанием рассказа важную для литератора полемику, развернувшуюся в лагере символистов: между Вяч. Ивановым (и в целом мистиками) и Брюсовым. Завуалированной репликой на эти события можно считать и этот рассказ о победе разума над тайнами.

Literary Polemic of the Late 1900s – Early 1910s in Bryusov's Story The Night Journey

Bryusov's story *The Night Journey* is, at first glance, just another story about the temptation of the hero by the devil. Researchers previously associated this story with the style and imagery of the novel *The Fiery Angel*, however we suggest taking a closer look at this text by reconstructing its place and role in repeated publications. The story was first published in No. 11 of the journal *Vesy* in 1908, almost a month before the actual departure of Bryusov from the publishing house. Next time it was published in the collection of stories *Nights and Days* (1913) – this story was placed in the end. This book, as Bryusov himself wrote, was intended to highlight various aspects of female psychology, which is what all the stories in it are devoted to, except for *The Night Journey*. However, this quite relevant for the late 1900s and early 1910s context forces us to look under the mystical content of the story and see the important debate in the symbolist camp: one between Vyach. Ivanov (and mystics in general) and Bryusov.

This story about the victory of reason over mysticism can also be considered a veiled allusion to these events.

Шапкина Ольга Ивановна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Роман «Огненный ангел» В.Я. Брюсова в зеркале критики начала XX века

Роман В.Я. Брюсова «Огненный ангел» вызвал многочисленные отклики в дореволюционной прессе. Ряд рецензий и литературных обзоров были опубликованы в журналах «Вестник Европы», «Весы», «Русская мысль», «Современный мир» и др. Большинство рецензентов отметили необычайную историческую достоверность произведения, стилизованного под немецкую повесть XVI века. А. Белый считал этот роман образцом высокой литературы, особенно выделял исторический аспект книги и тему оккультизма. С. Соловьев отмечал сложность создания полноценного текста в стиле другого века и большое количество чисто зрительных образов, которые гармонично сочетаются со строгим стилем романа. А. Левинсон считал это произведение примечательным образцом культурно-исторического и лингвистического творчества, но указывал и на минусы: «отсутствие определенного замысла», «позвоночного столба в содержании», «сбивчивость психологии». Критик «Вестника Европы», скрывавшийся под криптонимом «С. К.-Д.», отметил удачное обращение автора к малоизученному в искусстве типу средневековой «одержимой», а также тонкую наблюдательность В.Я. Брюсова. Таким образом, можно заключить, что роман «Огненный ангел» был высоко оценен критиками начала XX века.

V. Brusov's novel The Fiery Angel in the Mirror of Criticism

V. Brusov's novel *The Fiery Angel* received multiple responses in the pre-revolutionary press. Some reviews and literature overviews were published in the *Helard of Europe*, *Vesy*, *Russian Mind*, *Modern World* and other periodicals. The majority of

reviewers denoted extraordinary historical authenticity of the novel, which had been stylized as a German novelette of the 16th century. A. Bely considered this novel an example of high literature and especially praised the historical aspect of the book and its occultism theme. S. Solovyov noted the complexity of creating a full-fledged text in a different century's style and a multitude of visual images, which harmoniously combine with the austere style of the novel. A. Levinson found this novel a remarkable example of the cultural-historical and linguistic creativity. Nevertheless, he indicated some flaws: «absence of a unified concept», «vertebral column in the content», «an inconsistency of psychology». A critic of the *Herald of Europe* journal, who was hiding under the cryptonym "S. K.-D." noted the author's successful appeal to the little-studied artistic type of a medieval "possessed woman" and also V. Bryusov's subtle observation ability. It may thus be concluded that the novel *The Fiery Angel* was held in high regard by critics of the early 20th century.

Шевчук Юлия Вадимовна (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Акмеистическая ирония Анны Ахматовой

Ирония в творчестве Ахматовой изначально обусловлена такой базовой особенностью художественного мышления поэта, как постоянное ощущение возможности иного взгляда, другой точки зрения. Под сомнение ставит Ахматова торжество победы женщин-современниц, научившихся (к примеру, у поэта-ироника Брюсова) «сокровища» пережитых чувств беречь «для творческих минут». Значимость миссии поэта ею не умаляется, но и жертва личным счастьем не кажется абсолютно естественной и оправданной. Ахматова обращается к трагическим сюжетам мировой литературы, к жанру трагедии, ее интересует психологический аспект «очищения» страданием. Нередко напряженная конфликтная ситуация разрешается и переводится поэтом в иронический модус.

Важным лирическим событием является катарсис, который переживает героиня ее любовной лирики, стремящейся выйти за пределы темы любви. И в этом смысле акмеистическую иронию Ахматовой, в отличие от скептической, «неразрешимой» иронии символистов, можно считать «светлой» не только в годы акмеизма, но и на протяжении всего творческого пути поэта.

Anna Akhmatova's Acmeistic Irony

Initially the irony in Akhmatova's work is stipulated by such a base feature of the poetic mind as the constant awareness of the possibility of a different view, a different standpoint. Akhmatova expresses her doubts about the victory of her female contemporaries, who learned (for example, from the ironic poet Bryusov) to save the "treasures" of the experienced feelings "for creative moments". She does not diminish the importance of a poet's mission; however, she does not accept the sacrifice of one's personal happiness as natural and justified. Akhmatova turns to the tragic stories from the world literature, to the genre of tragedy. She takes great interest in the psychological aspect of "cleansing" by suffering. A poet frequently defuses conflict situations and turns them into an ironic mode. An important lyrical event for her is the catharsis that the heroine of her romantic poetry goes through by attempting to go outside the boundaries of the topic of love. In this regard, Akhmatova's acmeist irony, which can be considered "bright" not only in her acmeist years but throughout her entire poetic career, differs from the skeptical, "unsolvable" irony of symbolists.

Шинкарук Марина Анатольевна (Москва, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля)
«Скорпионовское отродье» в кривом зеркале московских газет начала XX века

Вышедший в 2019 г. в издательстве «Дом Пашкова» двухтомный биографический указатель «Российские литераторы

начала XX века на страницах московских газет», мотивирует исследователя этого периода русской литературы к изучению газетных публикаций. Как известно, первые фельетоны, касающиеся литературной деятельности В.Я. Брюсова и его окружения, появились еще в конце XIX в. и были связаны с тремя сборниками «Русские символисты». В последующие годы интерес «газетчиков» к Брюсову – поэту, прозаику, критику и, конечно, издателю – и к его «школе» не ослабевал. «Скорпионовское отродье», «Скверные цветы» – эти хлесткие заголовки газетных публикаций-однодневок и в наши дни способны произвести впечатление. В докладе будет рассмотрен круг авторов соответствующих газетных публикаций, их роль и влияние на литературный процесс начала XX века.

“Scorpion s Bastards” in the Crooked Mirror of Moscow Newspapers in the Early 20th Century

The two-volume biographical index *Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Newspapers* published in 2019 by the *Pashkov House* publishing house motivates the researcher to study newspaper publications. It is known that the first feuillets concerning Bryusov and his entourage’s activity appeared at the end of the 19th century and were associated with the three *Russian Symbolists* collections. In subsequent years the interest of newspapers in Bryusov as a poet, novelist critic and, of course, a publisher and his “school” did not weaken. *Scorpion’s Bastards*, *Nasty Flowers* - these beating headlines of one-day newspaper publications are able to impress even today. The paper puts forward the circle of authors of the relevant newspaper publications, their role and influence on the literary process of the early 20th century.